Чирун С.Н., канд. социол. наук, доцент, докторант Кемеровский государственный университет, Россия

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЁЖИ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РФ

В статье рассматриваются актуальные проблемы динамики общественно-политического процесса в современной России. Отмечается рост актуальности участия молодёжи в публичной политике, связанный с глобальными процессами. В современном мире меняется вся традиционная структура социально-политических отношений. Многообразие и организационная гибкость становятся характерными чертами политической системы, а случайность, неопределенность и риск, по мнению автора, начинают играть в публичной политике если не решающую, то весьма заметную роль. В статье автор предлагает использовать понятие «постмолодежь» в дополнение к таким известным в науке понятиям, как «постмодерн» и «постполитика».

Автор обращает внимание на изменение статуса молодежи в обществе, соединяя динамику изменений с глобальными социополитическими и геополитическими процессами.

Ключевые слова: молодёжь, политическое участие, глобализация, постмодерн, риск, неопределённость, «арабская весна».

In article actual problems of dynamics of political process in modern Russia are considered. Growth of an urgency of participation of youth in the public policy, connected with global processes is marked. In the modern world all changes traditional structure of sociopolitical relations. The variety and organizational flexibility become characteristic features of political system, and accident, uncertainty and risk, according to the author, start to play to the public policy if not solving, rather appreciable role. In article the author suggests to use concept «postyouth» in addition to such known concepts of a science, as «postmodern» and «postpolicy».

The author pays attention to change of the status of youth in a society, connecting dynamics of changes with global sociopolitical and geopolitical processes.

Keywords: Youth, political participation, postmodern, Globalisation, risk, uncertainty, «the Arabian spring».

В традиции считалось, что для молодого человека «…основной социальной функцией является подготовка к статусу взрослого члена общества»[1]. А государство являлось если не единственным, то, по крайней мере, наиболее значимым институтом политической социализации. Однако, сегодня наблюдается трансформация данной модели, связанная с процессами: ювенизации, глобализации - глокализации, которые фактически «... разрушают индустриальное общество по мере своего вступления в жизнь»[2]. Это существенно изменило всю структуру социально-политических отношений[3]. Многообразие и организационная гибкость стали характерными чертами политической системы, а случайность, неопределенность, риск начинают играть в публичной политике если не решающую, то весьма заметную роль[4]. Меняются критерии господства и даже слабые воздействия могут дать непропорционально сильные эффекты, что может являться источником хаоса и неустойчивости[5]. Государство индустриальной эпохи модерна отличалось мощным бюрократическим аппаратом, который являлся «зеркалом рационализации общества»[6], однако уже в конце XX в. модернистская модель государства, по мнению Дж. Розенау, переживает кризис[7].

Когда иерархическая интеграция подменяется стратегией индивидуальной мобильности[8], молодой человек автономизируется, отдаляясь от традиционных форм коллективной идентичности. Но при этом происходит также и изменение вектора геронтолого-ювенальной сегрегации[9].

До сих пор многие исследователи сохраняют уверенность, что молодёжь везде и всегда является объектом дискриминации по возрастному признаку, и именно эту неполноценность статуса молодёжи призвана компенсировать молодёжная политика (МП). Этот подход оказал влияние на «Основные направления государственной молодежной политики в РФ»[10], принятые Верховным Советом в 1993 г., в них была заложена идея, согласно которой любой молодой человек испытывает проблемы, связанные с недостатками его социального статуса, которые ему необходимо компенсировать.

Однако сомнительно, чтобы в условиях постмодерна молодёжь представляла собой гомогенную социально-дискриминируемую группу.[11].

Напротив, много полезных идей для понимания молодёжи заложено в концепции «префигуративной куль-

1 Голофаст В. Б. Элементы социологической теории молодёжи // Человек и общество: Социальные проблемы молодёжи. Ленингр. гос. ун-т. Учен. зап. Вып. VI. – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1969. – С.13.
2 Beck U. Risk Society. Towards a New Moderny. – London: Sage, 1992. – p.10.
3 Cockerham W.C. The Global Socity. An Introduction to sociology. –Birmingem: University of Alabama, 1995. – p.7.
4 Beck U. World Risk Society. – Cembrige: Blackwell, 1999. – p.18.
5 Гомеров И. Н. Структура и свойства власти.– Новосибирск: СибУПК, 2000. – с.48.
6 Burdeau G. L. Etat.– Paris, Edition de Seuil, 1970.– p.157-158.
7 Rosenau J. N. Distant Proximites. Dinamics Beyond Globalisation. – Princeton and Oxford, 2003. – p.3-7.
8 Лазарев А. Д., С. Н. Чирун Введение в конфликтологию. ГУ КузГТУ. – Кемерово, 2006.– 167 с.
9 Unification and Marginalization of Yong People / H. Helve (ed). – Yelsinki: Hakapaino, 1998. – 275 p.
10 Постановление ВС РФ «0б основных направленных государственной молодёжной политики в Российской Федерации, № 5090-1 от 3 июня 1993 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993- № 25.
11 Чирун С. Н. Молодёжная политика: теория и практика взаимодействия: монография / С. Н. Чирун. – Кемерово, 2008.– 7-22.

туры» М. Мид. По мнению М. Мид, общество «префигуративной культуры»[12] сталкивается с ситуацией, когда старшие поколения начинают существенно уступать в своей эффективности младшим, вследствие чего традиционная пирамида геронтократической иерархии оказывается перевернутой. Другими словами, молодой человек в постсовременном обществе уже не «мостик», а завершённая модель. Здесь вещи получают значение как атрибуты не столько индивидуальных черт личности, сколько групповой принадлежности молодого человека и дистанцирования от «чужих», к которым, в определённом аспекте, оказываются причисленными группы старшего поколения, причём стигматизация «чужих» происходит не обязательно по критерию хронологического возраста. Значимость молодёжи как большой, референтной группы постмодерна, с одной стороны, принципиально повышает её групповой социальный статус, с другой – размывает её контур, делая профиль группы менее определённым.

Сегодня возраст не сводим к одному лишь его хронологическому выражению. Например, В. Н. Боряз считает, что этапы взросления молодёжи определяют на основе обретения ею субъектных позиций[13]. Ю. Р. Вишневский и В. Т. Шапко признают «стилевой» подход к интерпретации молодёжи, в котором «…молодыми считаются те, кто ведёт молодёжный образ жизни, но еще не входит или уже вышел из молодёжного возраста»[14].

Вопрос о характере субъекности молодёжи, её роли в функционирующей в России модели МП до сих пор нуждается в теоретическом осмыслении с учетом нынешней общественно-политической ситуации и долгосрочных целей общественного развития.

Здесь сохраняется, а в условиях постмодерна даже углубляется ряд проблем, требующих концептуальной проработки. К ним можно отнести:

- концептуальное осмысление роли и места молодежных организаций в системе МП РФ;
- выявление доминирующих геополитических и внутриполитических процессов, влияющих на динамику молодежного движения;
- выявление причин трансформации субъектности молодёжи в публичной политике РФ;
- трансформацию представлений о критериях эффективности политического участия молодёжи.[15].

На наш взгляд, постмодерн отличается от предшествующих эпох тотальным смещением и смешением возрастных позиций, то есть позиций хронологических, физиологических, психологических, политических и социальных. Постмодерн в этом смысле характеризуется не просто несовпадением, но подчас и антогонизмом возрастных позиций. Эту демографическую категорию, в которой по одним критериям человек является молодым, а по другим уже не является, мы предлагаем называть «постмолодёжью». Можно сказать, что в постмодерне молодёжь не просто исчезает, как утверждают авторы концептуального отрицания молодёжи М. Байзерман и Д. Мангусон, но трансформируется в «постмолодёжь.

Традиционное общество (премодерн) характеризуется отсутствием молодёжи как значимой номинальной группы. В Постмодерне, напротив, молодёжь универсализируется в качестве доминирующей категории, существенно выходящей при этом за пределы молодёжного возраста. Например, С. Удальцов, Ю. Шевчук или А. Навальный уже вышли за пределы хронологических границ молодёжного возраста, но остались «молодыми», «своими» для своих молодых сторонников. Политизированная молодёжь актуальный ресурс революций постмодерна, т.к. именно «…против молодёжи вдвойне преступно использовать силу»[16]. Молодежь постмодерна плохо управляема, но она хорошо отзывается на креативные маркетинговые и PR-технологии: организации флэшмобов, раздачи маек, кепок, наклеек, белых ленточек, шаров и других нестандартных решений, характерных для «арабской весны».

Политолог Инглхарт даже считал, что наиболее восприимчивой к ценностям постмодерных инноваций является именно молодёжь[17]. Медиасредства коммуникации являются для молодых привычными источниками ценностей. Обостренное гендерное восприятие обеспечивает интерес молодёжи к эпатажным субъектам политики. В постмодерне для молодежи уже не существует значимых идеологических оснований, способных их объединить и организовать, поскольку они ей не интересны, сама жизнь гораздо насыщеннее и чувственнее. Молодежи чрезвычайно импонирует игровой стиль жизни – неясный фатализм, яркость и красочность прилагаемых усилий. Именно поэтому молодежные группы наиболее восприимчивы к постмодернистским технологиям в политике. Исследования, проведённые нами в рамках научной деятельности факультета политических наук и социологии КемГУ 2011 г. среди студентов Кемеровской области (1205 чел. –100%), показали, что студенты в большинстве – 78% – позитивно откликаются на использование «постсовременных» технологий в МП: таких как «флешмоб», «пастиш», «монстрация», «перфоманс» и др.

Исследование показало специфичность для молодёжи деконструкции рационального сознания и появления постмодернистского способа мышления, отказывающегося от метарассказов, т.е. характеризующегося недове-

11 Чирун С. Н. Молодёжная политика: теория и практика взаимодействия: монография / С. Н. Чирун. – Кемерово, 2008.– 7-22.
12 Mead M. Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap. – N.Y.: Natural History Press. Doubleday and Co Ins. 1970. –113 p.
13 Боряз В. Н. Молодёжь: Методологические проблемы исследования.– Л.: Наука, 1973. с. 117.
14 Вишневский Ю. Р. Парадоксальный молодой человек [Текст] / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования 2006. – С. 30.
15 Чирун С. Н. Молодёжная политика постсовременности: методология, процессы, технологии. – Томск, 2009. – 304 с.
16 Кольжанова И. Н. Общественно-политические молодёжные движения в современной России: масса, элиты, лидеры. Дисс. канд. полит. наук (23.00.02), Ростов-на- Дону, 2006. – с.17.
17 Ингхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. – С.6-32.

рием в отношении целей политиков и политических идеологий. Их замещает игра мировоззрений и мифов. Игра становится основной категорией действительности, а постмодерн закрепляет онтологичное состояние игры в политике, адаптируя не столько молодёжь к политическому пространству, сколько политическое пространство к пониманию его молодёжью. Неотъемлемым элементом постмодернистской игры, в которую вовлечена молодёжь, становится «Пастиш». Пастиш, как и пародия, включают в себя имитацию, мимикрию другим стилям, другим объектам, однако эффект пародии возможен, когда существует норма. А если политическая реальность существует в виде фрагментированной реальности, где нет общей нормы, пародия трансформируется в пастиш, а премьер-министр Путин способен ассоциироваться с удавом «ПУ» (проект «Гражданин поэт»), или даже в наиболее радикальном варианте с презервативом, что мы наблюдали после выборов 4 декабря 2011 г. в. г. Москва на Болотной площади и проспекте Сахарова.

Переход общества от модерна к постмодерну кардинально повлиял на трансформацию статуса молодежи в обществе. Благодаря быстрому развитию технологий и росту количества информации происходит стирание границ между элитарным и обыденным, интеллектом и эмоциями, реальностью и виртуальностью, отмечается качественное преобразование характера воздействия на динамику политических процессов и на содержание публичной политики, что находит выражение в практике инновационных форм политического участия молодёжи.

Литература:

1. Голофаст В. Б. Элементы социологической теории молодёжи // Человек и общество: Социальные проблемы молодёжи / Под общ. ред. Б. Г. Ананьева, Д. А. Керманова; Ленингр. гос. ун-т. Учен. зап. Вып. VI. – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1969.

2. Beck U. Risk Society. Towards a New Moderny. – London: Sage, 1992. – 260 p.

3. Cockerham W.C. The Global Socity. An Introduction to sociology. –Birmingem: University of Alabama, 1995. – 348 p.

4. Beck U. World Risk Society. – Cembrige: Blackwell, 1999. – 295 p.

5. Гомеров И. Н. Структура и свойства власти.– Новосибирск: СибУПК, 2000. – 232 с.

6. Burdeau G. L. Etat.– Paris, Edition de Seuil, 1970.– 182 p.

7. Rosenau J. N. Distant Proximites. Dinamics Beyond Globalisation. – Princeton and Oxford, 2003. – 448 p.

8. Лазарев А. Д., С. Н. Чирун Введение в конфликтологию. ГУ КузГТУ. – Кемерово, 2006.– 167 с.

9. Unification and Marginalization of Yong People / H. Helve (ed). – Yelsinki: Hakapaino, 1998. – 275 p.

10. Постановление ВС РФ «Об основных направленных государственной молодёжной политики в Российской Федерации, № 5090-1 от 3 июня 1993 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993- № 25.

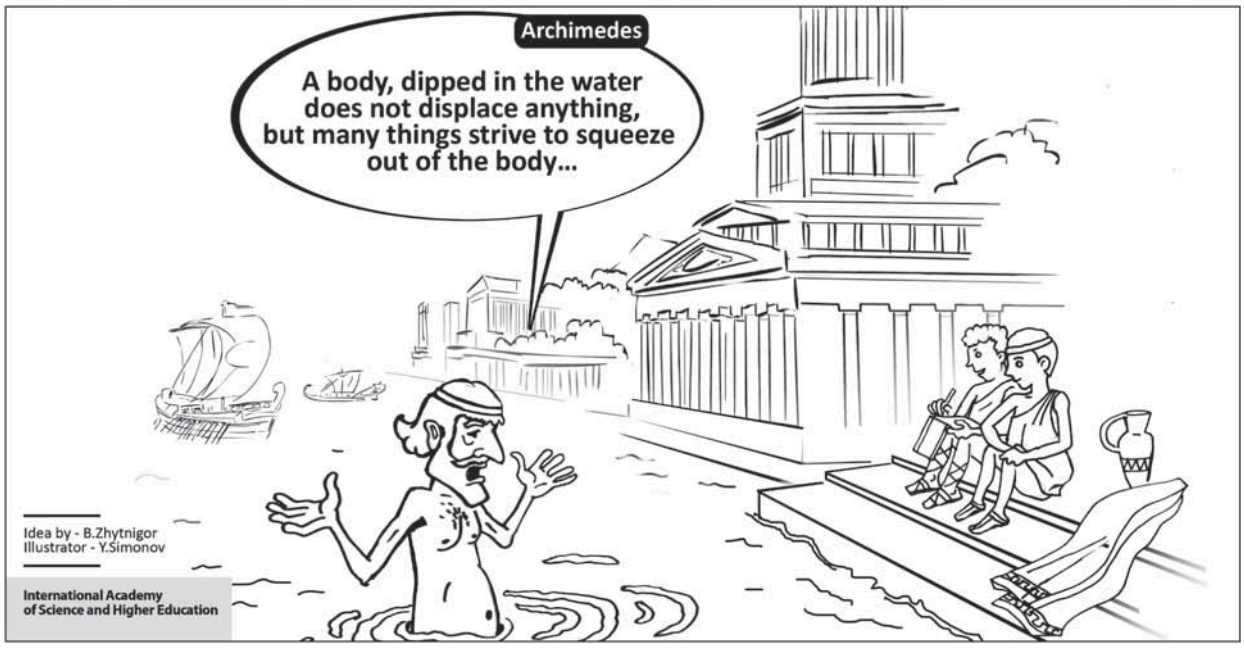
11. Чирун С. Н. Молодёжная политика: теория и практика взаимодействия: монография / С. Н. Чирун. – Кемерово, 2008.– 167 с.

12. Mead M. Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap. – N.Y.: Natural History Press. Doubleday and Co Ins. 1970. –113 p.

13. Боряз В. Н. Молодёжь: Методологические проблемы исследования.– Л.: Наука, 1973. – 155 с.

14. Вишневский Ю. Р. Парадоксальный молодой человек [Текст] / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования 2006. – С. 30.

15. Чирун С. Н. Молодёжная политика постсовременности: методология, процессы, технологии. – Томск, 2009. – 304 с.

16. Кольжанова И. Н. Общественно-политические молодёжные движения в современной России: масса, элиты, лидеры. Дисс. канд. полит. наук (23.00.02), Ростов-на- Дону, 2006. – 164 с.

17. Ингхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. – С.6-32.